

DOI 10.15826/qr.2017.1.211
УДК 314.145.2+316.334.56(470.5)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕГРАДАЦИЯ ГОРОДОВ В СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНАХ УРАЛА (1959–2010)*

Сергей Баканов
Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия

URBAN DEMOGRAPHIC DECLINE IN THE TRADITIONAL INDUSTRIAL REGIONS OF THE URALS (1959–2010)**

Sergey Bakanov
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

This article considers the demographic disaster that occurred in traditional industrial Ural cities between the 1960s and the 2000s and demonstrates its scale. A ‘depressed city’ is a term denoting a stage in a city’s development: it is characterised by a decline in production, the emergence of unemployment, and a decrease in investment and migration, all of which is followed by a fall in population. This research is based on calculations and comparisons of the demographic dynamics found in the All-Soviet Union and All-Russian censuses of 1959, 1970, 1979, 1980, 2002, and 2010 from the perspective of a number of individual Ural towns. The Urals have faced the same problems as American cities of the Appalachian region, German cities of the Ruhr district, and British coalmining and metallurgical regions in the 20th century. The author proposes a method for revealing depressed settlements. It uses two demographic criteria: first, a decrease of population exceeding five percent per decade and, second,

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01226 «Сравнительное изучение развития старопромышленных районов угледобычи России и Польши в XX веке».

** Citation: Bakanov, S. (2017). Urban Demographic Decline in the Traditional Industrial Regions of the Urals (1950–2000). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 74–85. DOI 10.15826/qr.2017.1.211.

Цитирование: Bakanov S. Urban Demographic Decline in the Traditional Industrial Regions of the Urals (1950–2000) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 74–85. DOI 10.15826/qr.2017.1.211 / Баканов С. Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала (1959–2010) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 74–85. DOI 10.15826/qr.2017.1.211.

the stability of a negative demographic balance across several decades. In accordance with this method, it is established that during the late Soviet period (1959–89) 18 Ural towns could be characterised as depressed. Between the 1960s and 1980s, such tendencies had a local nature in the Urals, mainly affecting mining areas and some metallurgical centres. However, between the 1990s and 2000s structural economic reforms and a shift to market forms of economic management caused a dramatic decline in production, mass unemployment, and a drop in living standards: 56 Ural cities thus became depressed. Only the cities of Bashkortostan, where petrochemical production has a significant presence, showed population growth, while other regions witnessed a significant loss of population. Once a local problem, depression became a sub-regional phenomenon striking entire agglomerations and territorial production complexes. Major Ural cities were unable to absorb all of the migration from settlements and towns of the region, which caused an outflow of population from the Urals. The two post-Soviet decades can be characterised by large-scale urban decline in the Urals: there was, on average, a 6.4 per cent population decrease in all the cities of the Ural macro-region.

Keywords: urbanisation; crisis; demographic degradation; old industrial area; the Urals; depressive social development.

Рассмотрена демографическая катастрофа, постигшая города старопромышленного Урала в 1960–2000-е гг. Целью автора стало выявление масштаба этого явления. Под «депрессивным городом» понимается стадия его развития, характеризующаяся, по сравнению с предшествующим периодом, спадом производства, появлением безработицы, снижением инвестиционной и миграционной привлекательности и сопровождающаяся оттоком населения. Исследование основывается на расчетах демографической динамики и сопоставлении в разрезе отдельных городских поселений Урала результатов всесоюзных, а затем всероссийских переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 г. Проблемы городов Урала находятся в одном ряду с аналогичными кризисными явлениями, которые отмечались в XX в. в американских городах района Аппалачей, в городах немецкого Рура, в английских угледобывающих и металлургических районах. Разработанная автором методика выявления депрессивных поселений предполагает использование двух демографических критериев: во-первых, это убыль населения города более чем на 5 % за десятилетие, а, во-вторых, устойчивость отрицательного демографического баланса на протяжении нескольких десятилетий. В соответствии с этой методикой было установлено, что в позднесоветский период (1959–1989) депрессивный характер развития демонстрировали 18 городов Урала. Депрессивные тенденции в 1960–1980-е гг. носили на Урале очаговый характер и поражали прежде всего горнодобывающие ареалы и некоторые центры металлургического производства. В 1990-е и 2000-е гг. структурные экономические реформы и переход к рыночным формам хозяйствования, вызвавшие резкий спад производства, массовую безработицу, падение

уровня жизни населения, привели к тому, что в состоянии депрессии оказались 56 депрессивных городов. Только города Республики Башкортостан, связанные с отраслями нефтехимической промышленности, демонстрировали прирост населения, в остальных регионах наблюдалась значительная его убыль. Депрессия городов Урала на рубеже XX–XXI вв. изменила свой характер с очагового на субрегиональный, поражая целые агломерации и территориальные производственные комплексы. Уральские мегаполисы оказались не способны поглотить весь исходящий из малых и средних городов региона миграционный поток, что привело к общему оттоку населения с Урала. Суммарный же итог процесса деградации городов за два постсоветских десятилетия составил в среднем 6,4 % убыли населения по всем городам Уральского макрорегиона.

Ключевые слова: урбанизация; кризис; демографическая деградация; старопромышленный район; Урал; депрессивное социальное развитие.

В середине XX в. страны, являвшиеся на протяжении многих десятилетий лидерами экономического роста, благодаря новому витку научно-технической революции открыли для себя перспективы ускоренного перехода к строительству постиндустриального общества. Однако переходные импульсы сдерживались рядом инерционных противоречий, среди которых большое значение имел дисбаланс в территориальном развитии индустриальных стран. Концентрация производства и неравномерность территориального распределения индустрии приводили к формированию в этих странах сверхиндустриализированных регионов. Если в годы промышленной революции такие регионы были центрами притяжения инвестиций, то для перехода к постиндустриальному производству и наукоемким технологиям их отраслевая структура оказалась непригодной в силу своей монопрофильности, технологической отсталости и ограниченности ресурсной базы. Широкую известность получили проблемы района Аппалачей в США, Рурско-Саарского региона ФРГ, Эльзаса и Лотарингии во Франции, а также ряда территорий Англии и Шотландии. Эти старопромышленные регионы вступали в полосу депрессивного развития, а концентраторами депрессивных тенденций в них стали городские поселения, сосредоточившие большую часть технологически устаревающих производств¹.

Для выявления масштаба демографической катастрофы, постигшей многие города старопромышленного Урала в 1960–2000-е гг.,

¹ Социально-экономические проблемы моногородов, расположенных на выше-названных старопромышленных территориях, нашли отражение в национальных историографиях этих стран и описаны в работах [Neffke, Henning, Boschma; Steiner; Todtling, Trippl] и др. В российской историографии эти проблемы оказались в центре исследовательского интереса авторов двух коллективных монографий, подготовленных в Уральском отделении РАН [Зарубежный опыт антидепрессивной региональной политики] и в Институте экономической политики имени Е. Т. Гайдара [Стратегии развития старопромышленных городов].

применяется методика, основанная на расчетах демографической динамики и сопоставлении результатов всесоюзных, а затем всероссийских переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 г. для городских поселений Урала [Население СССР, 1960; Население СССР, 1971; Население СССР, 1980; Население СССР, 1990; Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всероссийская перепись населения 2010 г.], разработанная и апробированная автором в ходе исследования социально-экономических факторов, влиявших на отрицательную демографическую динамику некоторых уральских городов в 1960–1980-е гг. [Баканов]. К категории депрессивных городов можно отнести поселения, имеющие отрицательный демографический баланс, превышающий пороговое значение в 5 % убытка населения за одно десятилетие, при условии, что эта негативная демографическая тенденция наблюдалась на нескольких десятилетних интервалах, то есть была устойчивой. Такой подход позволяет сгладить случайные флуктуации численности населения и учесть различные административные преобразования. Исходя из логики экономических процессов, протекавших в стране, весь 50-летний период, в течение которого прослеживается демографическая деградация уральских городов, можно разделить на два этапа: позднесоветский, для которого базой сравнения будет использоваться перепись населения 1959 г., и постсоветский, чья база сравнения будет связана с результатами переписи 1989 г. Это позволит оценить вклад каждого из этапов в общий масштаб деградации.

Города Урала с наибольшей потерей населения в 1959–2010 гг.

Город	1959 г.	1989 г.	2010 г.	Прирост / убыль за период 1959–1989 гг.	Убыль за период 1989–2010 гг.
Далматово	11	17,5	13,9	59,1 %	-20,6 %
Макушино	13,7	10,5	8,3	-23,4 %	-21,0 %
Петухово	12,6	14,5	11,2	15,1 %	-22,8 %
Абдулино	30	22,6	20,1	-24,7 %	-11,1 %
Медногорск	36,3	34	27,2	-6,3 %	-20,0 %
Александровск	19	20,2	14,4	6,3 %	-28,7 %
Березники	106	201	156,4	89,6 %	-22,2 %
Горнозаводск	10,1	15,2	12	50,5 %	-21,1 %
Гремячинск	28	20,6	10,7	-26,4 %	-48,1 %
Губаха	47,1	31,8	28,1	-32,5 %	-11,6 %
Кизел	60,7	36,5	19,5	-39,9 %	-46,6 %
Чердынь	7,5	6,5	4,9	-13,3 %	-24,6 %

Чермоз	11	6	3,8	-45,5 %	-36,7 %
Алапаевск	47,1	50,3	38,1	6,8 %	-24,3 %
Верхняя Салда	37,3	65,2	46,2	74,8 %	-29,1 %
Верхняя Тура	19,7	13,4	9,4	-32,0 %	-29,9 %
Волчанск	24,8	14,7	10	-40,7 %	-32,0 %
Ирбит	45,3	51,8	38,3	14,3 %	-26,1 %
Камышлов	30,1	33,5	26,8	11,3 %	-20,0 %
Карпинск	45,2	36,9	29,1	-18,4 %	-21,1 %
Красноуральск	39,3	35,2	24,9	-10,4 %	-29,3 %
Кушва	46,1	43,3	30,1	-6,1 %	-30,5 %
Михайловск	10,6	12,9	9,8	21,7 %	-24,0 %
Нижние Серги	14,2	14,9	10,3	4,9 %	-30,9 %
Новая Ляля	17,8	15,7	12,7	-11,8 %	-19,1 %
Тавда	48	46,1	35,4	-4,0 %	-23,2 %
Туринск	18,8	23,2	17,9	23,4 %	-22,8 %
Верхний Уфалей	36,9	40	30,4	8,4 %	-24,0 %
Карабаш	24,9	17	13,1	-31,7 %	-22,9 %
Карталы	33,5	37,1	29,1	10,7 %	-21,6 %
Касли	21,8	21,7	16,9	-0,5 %	-22,1 %
Катав-Ивановск	20,6	24,9	17,6	20,9 %	-29,3 %
Коркино	81,4	45,1	38,5	-44,6 %	-14,6 %
Миньяр	15,4	12,9	10,1	-16,2 %	-21,7 %
Нязепетровск	22,2	17,1	12,4	-23,0 %	-27,5 %
Пласт	25,6	18,8	17,3	-26,6 %	-8,0 %
Сим	13,9	20,1	14,4	44,6 %	-28,4 %
Усть-Катав	23,1	31,8	23,5	37,7 %	-26,1 %
Юрюзань	17,3	18,3	12,5	5,8 %	-31,7 %

Одним из наиболее наглядных индикаторов депрессивности данных территорий можно считать мощнейший отток из них населения, принимавший форму демографической деградации, а в некоторых случаях даже депопуляции. Так, в Великобритании этим тенденциям оказались подвержены даже крупнейшие промышленные центры, составлявшие славу британской индустрии: население Ливерпуля за период с 1921 по 1991 г. сократилось с 802 до 452,5 тыс. чел. (43 %), Манчестера – с 730 до 404,9 тыс. (44 %), Глазго – с 1 млн 034 тыс. до 681 тыс. чел. (34 %)

[The UK population: past, present and future]. Для описания городов с такими негативными демографическими тенденциями в научной литературе используются термины *declining* – уменьшающийся, находящийся в упадке, *stagnant* – стагнирующий, *disappearing* – исчезающий [Rowland]. В российской научной традиции нашла применение другая классификация – разделение городов на *депрессивные* и *кризисные*. Под *депрессивным городом* понимается такой его тип, который проходит стадию развития, характеризующуюся, по сравнению с предшествующим периодом, спадом производства, появлением безработицы, снижением инвестиционной и миграционной привлекательности и сопровождающуюся оттоком населения. Когда депрессия принимает затяжной характер и усугубляется дальнейшим ухудшением основных социально-экономических показателей, наступает стадия, которую можно назвать *кризисной* [Кризисные города России].

В СССР в 1960-е гг. также появились проблемные старопромышленные территории, состояние экономики которых напрямую зависело от попавших в полосу стагнации традиционных отраслей, и крупнейшей из них был Уральский экономический район, характеризующийся доминированием отраслей горнодобывающей промышленности и металлургии. Урал не был сплошной зоной депрессивности, так как отдельные его регионы проходили стадию индустриализации в разное время, и, соответственно, их городские поселения концентрировали производства, относящиеся к разным технологическим укладам². Так, например, в районах Горнозаводского Урала металлургическое и горнодобывающее производство, относящееся ко второму и третьему технологическому укладу, было создано еще в XVIII–XIX вв., а модернизировано в 1920–1930-е гг., в то время как на территории Башкирии основная волна индустриализации пришлось на 1940–1950-е гг., когда в регионе активно создавались нефтепромыслы и нефтехимическое производство, относящиеся к четвертому технологическому укладу. Поэтому депрессивные тенденции на Урале в 1960–1980-е гг. носили очаговый характер и поражали прежде всего горнодобывающие ареалы и некоторые не самые крупные центры металлургического производства. Однако в 1990-е и 2000-е гг. структурные экономические реформы и переход к рыночным формам хозяйствования, вызвавшие резкий спад промышленного

² Под технологическим укладом понимается совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно. Смена технологических укладов связана с «волнами инноваций», вызванных неравномерной динамикой научно-технического прогресса. Ядром первого технологического уклада (1780–1830-е гг.) были ткацкие и прядильные машины, совершившие переворот в отраслях легкой промышленности; ядром второго (1830–1880-е гг.) стали энергия пара и основанный на ее использовании паровой транспорт; третий (1880–1930-е гг.) базировался на прогрессе в области добычи минеральных ресурсов и металлургии; ядром четвертого (1930–1970-е гг.) стали нефтехимия и конвейерное производство. С 1970-х гг. начинается складывание пятого уклада, основанного на прогрессе в сфере электроники, телекоммуникаций и электротехники. Предполагается, что в настоящее время происходит оформление ядра шестого технологического уклада. Подробнее см.: [Глазьев; Перес].

производства, массовую безработицу, падение уровня жизни населения, привели к тому, что в состоянии депрессии оказалось уже большинство уральских городов.

Уже в 1960-е гг. на Урале в 38 городах из 142 численность населения начала сокращаться, а более 5 % населения за десятилетие было потеряно в 24 городах. За исключением Кизела и Краснотурьинска, все остальные проблемные поселения относились к категории малых городов с населением от 7 до 47 тыс. чел. Наибольшие потери наблюдались в Ивделе (30,4 %), Губахе (29,5 %), Волчанске (26,2 %), Кизеле (23,7 %), Чермозе (20,9 %), Дегтярске (19,7 %). Однако, как уже было сказано выше, сама по себе потеря населения, даже столь значительная, на одном межпереписном интервале еще не означает депрессии, так как для ее диагностики требуется выполнение условия устойчивости негативных тенденций. В 1970-е гг. число деградирующих поселений опять оказалось 38, а более 5 % потеряли 19 из них. На этот раз лидерами по потере населения стали Гремячинск (28,3 %), Усолье (21,8 %), Чермоз (21,8 %), Волчанск (19,1 %). Два десятилетия подряд более чем по 5 % теряли население 12 городов. В 1980-е гг. население убывало в 26 городах, а в 12 – более чем на 5 %. Всего за три межпереписных интервала позднесоветского этапа депрессивные черты в развитии могут быть диагностированы у 18 городов, чьи потери превысили пороговое значение в 15 % (по 5 % за десятилетие) и были достаточно устойчивы во времени. Еще 16 поселений закончили позднесоветский этап развития с отрицательным демографическим балансом, не превышающим пороговое значение. Всего было выявлено 34 города, в которых наблюдались ощутимые проблемы с миграционной и инвестиционной привлекательностью, то есть почти четверть от общего числа уральских городов. Особенно примечательным это становится, если учитывать, что в этот же период в стране в целом завершался урбанизационный переход, когда процент городского населения РСФСР за 1959–1989 гг. вырос с 50 до 75 %.

Географическое расположение депрессивных и нерастущих городских центров по территории Уральского экономического района было неоднородным. Так, в позднесоветский период совершенно не испытывали проблем с ростом города Башкирской и Удмуртской АССР, относительно спокойной была ситуация в Оренбургской (за исключением Абудулино) и Курганской (за исключением Макушино) областях. А вот старопромышленная часть Урала, формирование которой происходило в XVIII–XIX вв., сконцентрировала в позднесоветский период более 90 % проблемных поселений региона (города Кизел, Губаха, Гремячинск, Усолье и Чермоз в Пермской области, Верхнюю Туру, Верхотурье, Волчанск, Дегтярск, Карпинск – в Свердловской области, Бакал, Карабаш, Коркино, Миньяр, Нязепетровск, Пласт – в Челябинской области).

Важнейшей причиной демографической деградации в 1960–1980-е гг. была узкая емкость рынка труда в малых монопрофильных городах

Урала. В общем виде механизм развития депрессии города выглядел следующим образом. В силу объективных причин, таких как истощение ресурсной базы, изношенность основных фондов предприятий города, а также изменения приоритетов в развитии отраслей промышленности СССР, градообразующие предприятия в некоторых городах начинали приходить в упадок, что выражалось в сокращении производства профильных видов их промышленной продукции. Падение объемов производства на этих предприятиях означало сокращение штатного расписания, что вело к частичному высвобождению рабочей силы и ее оттоку из города. Находясь в упадке, градообразующие предприятия оказывались не способными содержать принадлежащий им жилищный фонд и на прежнем уровне финансировать социальную сферу города. Это незамедлительно сказывалось на состоянии жилищного фонда и основных городских объектов. Снижались темпы ввода нового жилья, откладывалось на неопределенный срок строительство первоочередных городских объектов – очистных сооружений, магазинов, школ, больниц и т. д., а капитальный ремонт жилья производился со значительными задержками. Невозможность решить квартирный вопрос стимулировала горожан к перемене места жительства.

Рыночные реформы 1990-х гг. и отказ государства от выполнения патерналистской функции в социальной сфере заметно усилили воздействие негативных факторов на городское развитие региона. Монопрофильность хозяйства очень многих городов Урала, принадлежность находящихся в них производств к устаревающим технологическим укладам, неумение менеджмента градообразующих предприятий работать в условиях конкуренции в сочетании с глубоким финансовым кризисом и взаимными неплатежами привели к тому, что острые экономические проблемы в эти годы стало испытывать абсолютное большинство градообразующих промышленных предприятий региона. А для довольно длинного ряда промышленных компаний кризис стал финальной точкой их деятельности. Череда банкротств и реорганизаций оставила многие уральские города фактически без градообразующих производств, лишив их той часто единственной миссии, ради которой они создавались. Наиболее яркими примерами здесь могут служить судьбы предприятий Кизеловского угольного бассейна, машиностроительных производств в Кусе и Юрюзани, горнодобывающих производств в Бакале и Пласте и т. п.

Экономический кризис 1990-х гг. сопровождался также кризисом демографическим, проявившимся в резком снижении рождаемости в стране при одновременном росте смертности. С 1992 г. в масштабах России наблюдался отрицательный естественный прирост, который лишь отчасти компенсировался приростом миграционным. В результате среднегодовые темпы потери населения в масштабах страны составили 0,16 % в год, что дало за десятилетие с 1992 по

2002 г. суммарную потерю в 2,18 %. Негативные демографические тренды в Российской Федерации продолжились и в первое десятилетие XXI в. С 2002 по 2010 г. среднегодовые темпы потери населения даже увеличились до 0,24 % в связи с сокращением входящего миграционного потока. За этот период суммарная потеря населения страны составила еще 1,7 %³. Приведенные цифры позволяют еще раз убедиться в адекватности выбранного индикатора депрессивности территории, так как 5 % потери населения отдельным городом за одно межпереписное десятилетие в два-три раза превышают средние значения потери населения по стране и, следовательно, могут свидетельствовать о чрезвычайности сложившегося положения в данном конкретном поселении.

В 1990-е гг. на Урале с учетом закрытых территориальных образований (ЗАТО) и новообразованных городов статус города имели 150 городских поселений, 54 % (82 города) из которых за период с 1989 по 2002 г. утратили более 5 % своего населения. Наибольшую потерю населения испытали города Гремячинск (35,9 %), Кизел (34,7 %), Ясный (30 %), Чермоз (28,3 %), Волчанск (25,1 %), Юрюзань (22,9 %), Верхняя Салда (21,6 %), Нязепетровск (21,6 %), Александровск (19,8 %), Карталы (19,4 %), Катав-Ивановск (19,2 %). Отрицательную демографическую динамику демонстрировали в этот период не только малые или средние города, но и города-миллионники. Так, Уфа потеряла 3,6 %, Екатеринбург – 5,2 %, Челябинск – 5,6 %, а Пермь, имея убыль в 8,4 %, даже утратила статус миллионного города. Однако в следующем десятилетии областные центры все же выправили негативно складывавшуюся для них ситуацию за счет привлечения активного населения из продолжавших деградировать малых и средних городов своих регионов, а также из сельской местности. Сверхиндустриализированные старопромышленные территории Урала оказывались не в состоянии противостоять экономическому кризису и, повторяя опыт индустриальных стран, столкнувшихся с этими проблемами на несколько десятилетий раньше, выступали донорами населения для более благополучных регионов.

В начале XXI в. несмотря на некоторое отступление экономического кризиса список деградирующих поселений Урала расширился до 91 города, причем 56 из них теряли более 5 % населения на протяжении уже двух и более десятилетий, то есть в соответствии с принятыми критериями были депрессивными. При этом необходимо заметить, что максимальные проценты потери населения были все же существенно ниже уровня 1990-х гг. Так, лидеры 2000-х гг. имели следующие показатели убыли населения: Гремячинск – 18,9 %, Кизел – 18 %, Карабаш – 17,6 %, Нижние Серги – 17,6 %, Североуральск – 15,6 %, Кушва – 15,2 %. Снижение темпов убыли

³ Рассчитано автором по данным Росстата: [Федеральная служба государственной статистики].

населения в 2002–2010 гг. объясняется улучшением экономической конъюнктуры только отчасти. Гораздо большее воздействие на него оказали другие факторы. Во-первых, это постепенное исчерпание экономически активного населения в депрессивных городах, где масштабное отрицательное сальдо миграции наблюдалось уже на протяжении нескольких десятилетий. Во-вторых, это завершение процесса складывания местных рынков недвижимости, связанное с принятием земельного и жилищного кодексов. Приватизация жилья, проведенная в массовом порядке в 1990-е гг., привела к тому, что при ощутимой диспропорции цен на недвижимость на рынках разных городов и территорий собственники жилья в депрессивных городах оказались фактически заложниками своей собственности, так как, продав недвижимость в своем городе, они не могли рассчитывать купить за ту же сумму хоть какое-то жилье в городе благополучном. Поэтому обладание собственностью выступило мощным сдерживающим фактором для миграции и привело к широкому распространению практик занятости вахтенным способом в других относительно благополучных регионах, таких как Тюменская область.

Некоторое увеличение численности населения в этот период демонстрировали только 17 городов, три из которых – это мегаполисы Екатеринбург, Челябинск и Уфа. Еще девять из этих демографически благополучных поселений располагаются в Башкортостане.

Таким образом, из регионов Урала только Башкортостан, обладающий мощным кластером отраслей нефтехимии и нефтепереработки, относящихся к более позднему технологическому укладу, смог избежать негативных эффектов, вызванных промышленной ориентацией на устаревающие уклады, и за 1989–2010 гг. население городов республики увеличилось на 4,7 %. Все остальные регионы в той или иной степени оказались подвержены депопуляционным явлениям. Так, города Курганской области за период с 1989 г. потеряли 8,8 % своего населения, Оренбургской – 4,5 %, Свердловской – 9,8 %, Челябинской – 7,5 %, Пермского края – 13 %, Республики Удмуртия – 2,8 %. Отдельные старопромышленные территории стали зоной сплошной депрессивности, например, города закрытого в результате реструктуризации отрасли Кизеловского угольного бассейна в Пермском крае – Кизел, Губаха, Гремячинск, Александровск. Депрессия городов на рубеже XX–XXI вв. изменила характер с очагового на субрегиональный, поражая целые агломерации и территориальные производственные комплексы. Уральские мегаполисы оказались не способны поглотить весь исходящий из малых и средних городов региона миграционный поток, что привело к общему оттоку населения с Урала. Суммарный же итог процесса деградации городов за два постсоветских десятилетия составил в среднем 6,4 % убыли населения по всем городам уральского макрорегиона.

Список литературы

- Алексеев В. В., Zubkov K. I., Kilin A. P., Shirogorov V. V.* Зарубежный опыт анти-депрессивной региональной политики. Екатеринбург : Наука, 1992. 96 с.
- Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг. : Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2005. 191 с.
- Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 20.09.2015).
- Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.09.2015).
- Глазьев С. Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2 (57). С. 8–27.
- Любовный В. Я.* Кризисные города России: пути и механизмы социально-экономической реабилитации и развития. М. : МОНФ, 1998. 94 с.
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. М. : Госкомстат СССР, 1960.
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. М. : Госкомстат СССР, 1971.
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М. : Госкомстат СССР, 1980.
- Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М. : Госкомстат СССР, 1990.
- Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания. М. : Дело, 2011. 232 с.
- Стародубровская И.* Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 248 с.
- Федеральная служба государственной статистики [официальный сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.09.2015).
- Neffke F. M. H., Henning M., Boschma R.* The impact of aging and technological relatedness on agglomeration externalities: a survival analysis // J. of Economic Geography. 2012. № 12 (2). P. 485–517.
- Rowland R. H.* Declining and Stagnant Towns of the USSR // Soviet Geography : Rev. and Translation. 1980. № 21. P. 195–218.
- Steiner M.* Old Industrial Areas : A Theoretical Approach // Urban Studies. 1985. Vol. 22. P. 387–398.
- The UK population: past, present and future. URL: www.ons.gov.uk/ons/rel/ctu/annual...statistics/.../chap-15-population.xls (mode of access: 10.09.2015).
- Todtling F., Trippl M.* Like Phoenix from the Ashes? : The Renewal of Clusters in Old Industrial Areas // Urban Studies. 2004. Vol. 41. № 5/6. P. 1175–1195.

References

- Alekseev, V. V., Zubkov, K. I., Kilin, A. P., Shirogorov, V. V. (1992). *Zarubezhnyy opyt antidepressionnoy regionalnoy politiki* [The Foreign Experience of Antidepressive Regional Policy]. 95 p. Yekaterinburg, Izdatelstvo UrO RAN.
- Bakanov S. A. (2005). *Depressivnye goroda Urala v 1960–1980-e gg.: Analiz sotsial'no-ekonomicheskikh i demograficheskikh faktorov* [Depressed Towns of the Urals between the 1960s and 1980s. An Analysis of Socio-Economic and Demographic Factors]. 191 p. Chelyabinsk, Izdatelstvo CHelGU.
- Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki : Oficialnyj sajt [Federal State Statistics Service. Official Website]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (mode of access: 20.09.2015).
- Glazьев, S. U. (2012). *Sovremennaya teoriya dlinnykh voln v razvitiy ekonomiki* [The Modern Theory of Long Waves in Economic Development]. In *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 2 (57), pp. 8–27.
- Lyubovny, V. (1998). *Krizisnye goroda Rossii : puti i mekhanizmy sotsial'no-ekonomicheskoy reabilitatsii i razvitiya* [Crisis Cities of Russia: Means and Mechanisms of Socio-Economic Rehabilitation and Development]. 94 p. Moscow, MONF.

Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1959 g. [The Population of the USSR: According to Data of the All-Union Census of 1959]. Moscow, Goskomstat, 1960.

Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1970 g. [The Population of the USSR: According to the Data of the All-Union Census of 1970]. Moscow, Goskomstat, 1971.

Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1979 g. [The Population of the USSR: According to the Data of the All-Union Census of 1979]. Moscow, Goskomstat, 1980.

Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. [The Population of the USSR: According to the Data of the All-Union Census of 1989]. Moscow, Goskomstat, 1990.

Neffke, F. M. H., Henning, M. and Boschma, R. (2012). The Impact of Aging and Technological Relatedness on Agglomeration Externalities: A Survival Analysis. In *J. of Economic Geography*, 12 (2), pp. 485–517.

Peres, K. (2011). *Tekhnologicheskie revolyucii i finansovyy kapital dinamika puzyrej i periodov процветания* [Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Periods of Prosperity]. 323 p. Moscow, Delo.

Rowland, R. H. (1980). Declining and Stagnant Towns of the USSR. In *Soviet Geography: Rev. and Translation*, 1, pp. 195–218.

Steiner, M. (1985). Old Industrial Areas: A Theoretical Approach. In *Urban Studies*. Vol. 22, pp. 387–398.

Starodubrovskaya I. (2011) *Strategii razvitiya staropromyshlennykh gorodov : mezhdunarodnyy opyt i perspektivy v Rossii* [Strategies of Development in Traditional Industrial Cities: International Experience and Prospects in Russia] 248 p. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gajdara.

The UK Population: Past, Present And Future. URL: www.ons.gov.uk/ons/rel/ctu/annual...statistics/.../chap-15-population.xls (mode of access: 10.09.2015).

Todtling, F., Trippel, M. (2004). Like Phoenix from the Ashes? The Renewal of Clusters in Old Industrial Areas. In *Urban Studies*, Vol. 41, № 5/6, pp. 1175–1195.

Vserossiyskaya perepis naseleniya 2002 g. [National Population Census 2002]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (mode of access: 20.09.2015).

Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010 g. [National Population Census 2010]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (mode of access: 20.09.2015).

The article was submitted on 17.04.2016